

МОИ СЛЕДЖ-ХОККЕИСТ

— Стальные сани —

Милана Седина
Юнона Стангард

**Милана Седина
Юнона Стангард
Мой следж-хоккеист.
Стальные сани**

<https://litres.ru/74662182>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я создала сани, которые должны изменить следж-хоккей. Но вместо испытаний мне приказали закрыть проект. И тогда за меня вступился Роман Соколов — капитан сборной, потерявший ноги в аварии, но не привыкший уступать ни на льду, ни в жизни. Он доверил мне свою боль и спортивное будущее. А я всё чаще забываю о датчиках, когда его ладонь накрывает мою. Теперь нам назначили матч: меньше суток на подготовку, против нас — команда соперников и чиновник, готовый уничтожить мою лабораторию. Поражение лишит Романа капитанства, а меня — дела всей жизни. Мы умеем держать удар. Но как удержаться на расстоянии, если рядом с этим мужчиной сердце уже играет без правил?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

**Милана Седина,
Юнона Стангард
Мой следж-хоккеист.
Стальные сани**

Мой следж-хоккеист. Стальные сани
Милана Седина и Юнона Стангард

Глава 1

Металлическая кромка демонстрационного стола врезалась мне в ладони. Я не спала сорок восемь часов: в висках гудела сухая усталость, а на манжете темно-серого жакета темнел след графитовой смазки после ночной юстировки. Но стоило поднять глаза на шесть чиновников комиссии, как слабость выжгло ледяной собранностью.

На полированном столе в центре мраморного фойе ледового дворца «Айсберг» замер «Стальной коршун». Мой углепластиковый ложемент с хищным выгибом титановых полозьев казался готовой к броску птицей.

— Прекратите этот любительский цирк, Воронова, — председатель попечительского фонда Вадим Юрьевич Тарасов даже не взглянул на чертежи. Холеный мужчина в пальто из верблюжьей шерсти брезгливо поморщился. — Через две недели контрольный отбор. Вы предлагаете сборной рисковать шеями в кустарном корыте? Канадские «Бомбардьё» проверены тремя Паралимпиадами. Проект закрыт, финансирование аннулировано.

— Канадские сани весят двадцать четыре килограмма, — твердо возразила я, шагнув вперед. — «Коршун» — девять с половиной. В нем принципиально иная кинематика передачи импульса, центр тяжести смещен вниз на сорок миллиметров.

Я потянулась к сенсорной панели стойки, чтобы вывести расчет динамических перегрузок на таз. Тарасов с показным раздражением дернул сетевой шнур из напольного люка. Экран погас. Следом носок его лакированного оксфорда глухо пнул титановый обтекатель саней.

— Мне не нужны ваши мультфильмы.

Злость обожгла горло. Я заслонила раму собой и с глухим стуком опустила на столешницу сброшюрованную папку:

— Протокол сертифицированных испытаний Института конструкционных материалов. Государственная регистрация, синяя гербовая печать. Вы обязаны допустить изделие к натурному заезду.

Референт министерства потянулся к документу. Тарасов скривился:

— Ваш композит лопнет от вибраций на минусовой температуре арены.

— Монолитное углеволокно на полиимидной матрице, — отчеканила я. — Криотест при минус сорока под давлением в пять тонн не дал остаточной деформации. Материал допущен для экстремальных нагрузок.

— Хватит макулатуры! — сорвался на визг Тарасов и махнул троим охранникам у стеклянных дверей: — Очистите фойе! Инвентарь опечатать и вывезти на склад списанного оборудования!

Двое чоповцев двинулись на меня, протягивая тяжелые руки в кожаных перчатках. Я вцепилась обеими руками в ра-

му «Коршуна», готовая драться за каждый болт.

В этот миг тяжелые створки технологического выхода на лед распахнулись с пушечным грохотом.

В фойе влетел реактивный снаряд. Для скоростного перемещения вне ледовой площадки на раме саней стояло быстросъемное роликовое шасси из жесткого полиуретана — Роман несся на нем с бешеной скоростью, свистя победитовыми шипами по полированному граниту. Фигура атлета в черном термобелье казалась высеченной из цельной базальтовой глыбы. Он заложил крутой вираж на транспортных катках и резко прижал тормозной рычаг: полиуретан взвизгнул по граниту.

Торможение замерло ровно в миллиметре от начищенных туфель Тарасова.

Ледяная крошка, налипшая на раму после тренировки, полетела чиновнику в лицо. Тарасов вскрикнул, отшатнувшись к колонне.

В санях сидел Роман Соколов.

Капитан национальной сборной. Живая легенда, прошедшая через ад аварии три года назад и вернувшаяся на лед вопреки всем консилиумам. Чудовищно широкие плечи, бугрящиеся жгуты мышц на предплечьях и ледяной, ястребиный взгляд серых глаз из-под низко надвинутой шапки.

— Ты кого опечатывать собрался, Вадим? — низкий бас Соколова завибрировал в наших ребрах.

— Соколов! Ты нарушаешь субординацию...

Роман не слушал. Коротким движением он вонзил шип стика в стык плит между ногами чиновника, высек сполна искр:

— Еще раз твои шакалы потянутся к девчонке или тронут ее работу — стик о твою хребтину пополам сломаю.

Тарасов судорожно сглотнул. Соколов повернулся ко мне. Его тяжелый взгляд скользнул по черной раме «Коршуна»:

— Твоя работа?

— Моя.

— Показывай.

— Роман, ложемент экспериментальный, — быстро сказала я, подходя ближе. — Твой боевой вес почти девяносто пять килограммов. Надо проверить геометрию таза.

— Проверим на льду. Подержи упор.

Его широкая ладонь была горячее и шершавой от мозолей. Я взялась за поручень стола, фиксируя раму, а второй рукой поддержала его плечо — мышцы под тканью были словно литая сталь. Одним мощным рывком торса Роман перенес тело в ложемент «Коршуна».

Раздался сухой, плотный щелчок карбона.

Матрица, которую я ночами рассчитывала по анатомическим картам тяжелых форвардов, приняла его таз с идеальным прилеганием — до миллиметра. Соколов замер на две секунды, ноздри его дрогнули:

— Садится как влитой.

— Рома, стой! — из коридора выбежал главный тренер

сборной Виктор Михайлович Савельев, сжимая механический секундомер. — Куда на сырой машине?! У тебя культы в лохмотья стерты! Запрещаю без акта!

— Михайлыч, — отрезал Роман. — На канадских гробах нас сметут в первом периоде. Либо я проверяю сани сейчас, либо сдавай билеты на чемпионат.

Тренер шумно выдохнул сквозь седые усы и щелкнул кнопкой секундомера:

— Двенадцать секунд на контрольную змейку между стойками. Не уложишься — снимешь жестянку и сядешь на скамейку.

— По рукам, — оскалился капитан.

Мы поставили «Коршуна» на транспортную тележку и доездили до калитки. Там я сняла сани с катков и опустилась на колени на резиновый настил:

— Стой! Ремни фиксации голеней!

Я потянулась к левому храповику, но замок заело — консервационная смазка загустела на сквозняке. Я надавила изо всех сил, срывая ноготь.

— Дай сюда, — Роман наклонился вперед. Я ощутила терпкий запах его кожи, мороза и камфары. Железная ладонь накрыла мои пальцы, чудовищное усилие — и замок с лязгом встал в паз намертво. — Не суетись, конструктор. Держи дыхание.

Я подняла глаза. Он смотрел в упор, без насмешки, со спокойной силой воина.

— Выкатывай, — выдохнула я. — Докажи им.

* * *

Холодный воздух арены «Айсберг» ударил в лицо запахом свежесрезанной ледовой стружки. Безупречное зеркало площадки отливало синевой под куполом софитов.

Я ступила на резиновый настил у борта, держа планшет. Следом на лед выскользнули полозья «Коршуна».

— Стоп, Роман, — я перегнулась через борт. — Скорректируем наклон бедренных строп, иначе передавит паховые сосуды на вираже.

Я опустила на одно колено рядом с санями. Пальцы скользнули к натяжному ремню. Роман замер, но едва ткань прижалась к рубцам на культях, его дыхание сбилось, а на скулах вздулись желваки. Ему было адски больно — старые упоры растирали культы в кровь день за днем.

— Больно? — тихо спросила я, поймав его взгляд.

— Тяни, — глухо бросил он, глядя поверх меня на дальний сектор. — Не сахарный.

— Я не калечить тебя пришла, — мягко ответила я.

Ослабив храповик ровно на два щелчка, я сместила угол крепления кронштейна на три градуса и бережно положила теплые ладони на его бедра, согревая сведенные спазмом мышцы. Пальцы на мгновение задержались на стальных жгутах его тела.

Соколов вздрогнул. В серых глазах мелькнуло ошеломле-

ние: за три года после аварии к его увечью прикасались лишь врачи с холодной рутинной или скрытой безразличностью. Сейчас в моих руках не было жалости — только бережное тепло и уважение к его силе.

— Так давит?

— Нет, — голос его слегка осип. Он кашлянул: — Нормально. Свободно.

— Пошел! — крикнул от борта Виктор Михайлович.

Роман не медлил. Мощный толчок стиками — и «Коршун» сорвался с места.

Облегченный углепластиковый корпус выстрелил вперед словно снаряд. От бешеного ускорения нос саней вильнул, полозья полоснули по льду. У меня екнуло сердце: потеряет развесовку!

Но Роман мгновенно уложил корпус вперед, прижавшись грудью к ложементу, и тремя хлесткими гребками выровнял ход. Сани стали продолжением его хребта. Тридцать километров в час. Свист ветра в прорезях шлема.

Впереди показалась змейка — шесть оранжевых конусов через каждые восемь метров.

Канадские сани проходили этот слалом по широкой дуге с тяжелым заносом. Соколов пошел иначе. Перед первой стойкой он заложил такой крутой крен, что плечо едва не коснулось льда. Чиновники на трибунах подались вперед.

Сани удержали равновесие. Титановые кромки врезались в лед, удерживая машину в расчетном крене под углом сорок

градусов. «Коршун» облизывал конусы с бритвенной точностью. Смена галса — бросок влево, угол под сорок градусов! Лезвия звенели чистым звуком скрипичной струны.

На выходе из последнего створа раздался сухой щелчок: левый фиксатор культи от запредельной перегрузки сместился, и рубец ударило о карбоновый борт. Роман побледнел, зубы сжались, прокусив губу до алой капли.

Любой другой сбросил бы скорость. Соколов взревел.

Звериный яростный рык разорвал тишину арены. Вложив всю мощь широчайших мышц спины, он вбил стики в лед и вытолкнул сани через финишный створ.

— Время! — истошно закричал тренер, вскидывая руку.
— Десять и восемь десятых! Новый рекорд базы!

Игроки сборной на скамейке принялись яростно колотить клюшками о пластик борта. Грохот покатился под сводами арены.

Роман заложил тормозной разворот на триста шестьдесят градусов вокруг судейской тумбы, окатив клерков ледяной пылью.

Тарасов перегнулся через перила ложи, брызжа слюной:

— Это трюкачество! Пустая езда без сопротивления ничего не доказывает! Пусть пробьет бросковый норматив! Если рама выдержит щелчок на ста тридцати километрах — тогда посмотрим!

— Пахомова в раму, — тяжело дыша, бросил капитан. Пар клубился вокруг его лица, глаза горели лихорадочным

блеском: — Я пробью через десять минут.

Он подкатил к калитке. Я бросилась к саням, но едва полозья коснулись резинового настила, мой слух уловил посторонний, сухой металлический хруст в центральном узле рамы.

Я похолодела.

Глава 2

Я опустила на колени и просунула пальцы под днище ложемент, нащупывая силовой кронштейн регулировки угла атаки.

Подушечки пальцев наткнулись на маслянистую стружку. Каленый болт М6, державший всю консоль подвески, надорвало. В месте перехода резьбы в шейку темнела глубокая трещина. Еще один бросок или резкий вираж — шпильку срежет, и на скорости под сорок километров в час человека выбросит головой в борт.

— Роман, бросковый тест отменяется, — шепнула я, поднимая глаза. Во рту пересохло. — Болт срезан. У меня нет с собой запасного калиброванного крепежа с мелким шагом. Мой ремкомплект остался в опечатанной лаборатории.

Соколов смотрел на меня сверху вниз, не дрогнув ни единым мускулом:

— Сколько до выхода вратаря?

— Восемь минут. Мы не успеем.

— Успеем, — прогремел густой бас над моим ухом.

Возле калитки стоял двухметровый защитник Денис Волков («Денис Скала»). Опираясь на костыли, он мотнул подбородком в сторону темного тоннеля:

— Беги в гараж заливочных комбайнов к дяде Грише. Если у него на станке нет нужного прутка — его нет во всем

крае.

Схватив штангенциркуль и обломок болта, я сорвалась с места.

Служебный коридор пах соляжкой и аммиаком. Перепрыгивая шланги, я влетела в слесарный бокс. Под желтым конусом лампы над тяжелым токарным станком 16К20 стоял коренастый мастер лет шестидесяти в замасленном берете.

— Нужен болт М6 с шагом ноль семьдесят пять! — выпалила я, задыхаясь. — Срочно! До теста семь минут!

Мастер неторопливо вытер руки ветошью и прищурился: — А наряд от главного инженера есть, барышня? Ступай от станка, не положено.

Я шагнула к суппорту, бросив сломанный болт на станину: — Сталь тридцать ХГСА, закалка до тридцати восьми по Роквеллу. Посадочная длина сорок два, резьба четырнадцать, шаг ноль семьдесят пять. Чистовая подача — шесть сотых, обороты — шестьсот тридцать. Если не выточим сейчас, капитан сборной разобьется насмерть на ваших глазах!

Старик замер. Медленно перевел взгляд с чертежа на мои пальцы со штангенциркулем. В цепких глазах вспыхнуло угрюмое уважение:

— Воронова? Та, что сани Ромке сделала? Я Григорий Иванович. Дядя Гриша. Сорок лет на «Салюте» отпахал. — Он метнулся к стеллажу, швырнул мне пруток: — Лови!

Я поймала холодный стержень и тут же отбросила:

— Это АД31! Обычный сырой алюминий! Его срежет при

первом замахе!

— Не учи деда! — рявкнул он, но глаза блеснули азартом. Старик метнулся к запертому шкафу, откинул дужку замка и достал завернутую в промасленную бумагу серую болванку. — Гляди, что Гриша с завода унес, когда Союз дербанили.

Я развернула обертку: кованый шток клапана авиадвигателя истребителя Су-27. Жаропрочный титановый сплав ВТ9. Металл сверхзвуковых форсажных камер.

— Зажимай в патрон! — скомандовала я, сбросив жакет на верстак и оставаясь в рубашке. — Резец с твердосплавной пластиной!

Станок взвыл. Сизый дым повалил из-под суппорта, когда резец коснулся каленого титана. Я перехватила шланг подачи эмульсии, направляя белую пенную струю прямо в зону резания.

— Обороты скинь до четырехсот пятидесяти, титан горит!

Дед рванул рукоять. Стружка пошла ровная, сине-фиолетовая. Через три минуты он снял фаску, прогнал плашку по резьбе и отрезал шпильку. Я выхватила горячую деталь клещами, обтерла и приложила губки штангенциркуля: плюс шесть сотых. Идеально.

— Контргайку! Где низкая М6 ноль семьдесят пять?!

— Нет таких, — дядя Гриша растерянно оглядел верстак. — Резьба-то приборная, редкая...

— Она раскрутится на льду через пять секунд! — крик-

нула я в отчаянии. До теста оставалось три минуты.

Старик посмотрел на меня, потом расстегнул пуговицу халата. На лацкане старого пиджака блеснул латунный нагрудный знак «Ветеран труда СССР».

Не говоря ни слова, дед с силой крутанул рифленую бронзовую прижимную гайку на резьбовом штифте ордена. Металл сухо хрустнул. В его ладони осталась тяжелая бронзовая контргайка с тем самым ювелирным шагом.

— Держи, дочка. Ромка пацаном здесь у меня бегал, когда ноги целые были. Затяни намертво. А это... — он бережно завернул оставшийся увесистый отрезок титанового клапана Су-27 в ветошь и сунул мне в карман: — Роману отдай. На счастье капитану. Беречь скажи.

— Спасибо, дядя Гриша! — крикнула я и бросилась к выходу.

В коридоре мне наперерез шагнул охранник Тарасова:

— Стоять! Пронос металлических...

Сзади на полной скорости подлетела тренировочная коляска Паши Шустрого — Павла Ковалева. Молодой форвард с разгона врезал подножкой прямо по голени охранника. Тот взвыл, сползая по стене.

— Беги, Нина! — крикнул Паша. — Время!

Я выскочила на лед. До свистка оставалось сорок секунд.

Упав на колени перед санями Романа, я попыталась наживить гайку, но замерзшие пальцы свело судорогой, ключ сорвался, ободрав кожу до крови.

— Не могу... пальцы не слушаются...

Роман нагнулся, обхватил мои ледяные ладони своими горячими руками и обдал дыханием.

— Смотри на меня, Нина. Дыши. Направь ключ.

Я прижала головку ключа к титановой шпильке с бронзовой гайкой ветерана. Соколов накрыл мою кисть своей и единым страшным усилием провернул рычаг. Раздался сухой щелчок бронзового замка. Консоль встала монолитом.

Сирена арены взвыла, объявляя бросковый тест.

* * *

На медиакубе вспыхнули зеленые шкалы радара скорости. В створе ворот замер голкипер Сергей Пахомов, перекрывая щитками почти всю площадь сетки.

Роман стоял на точке левого круга вбрасывания. На трибунах царила мертвая тишина. Тарасов у перил ложи скрестил руки, ожидая треска карбона.

Судья опустил шайбу на лед. Соколов пошел вперед.

Первые два толчка были мягкими, но на третьем метре «Коршун» сорвался в яростный спурт. Новая геометрия рамы и титановая шпилька передавали импульс без малейших потерь. Пахомов выкатился на метр вперед, сокращая угол.

За три метра до цели Роман качнул корпусом влево, заставив кипера дернуться, и молниеносно переложил шайбу под неудобную руку. Короткий, хищный кистевой захват — мои облегченные стики позволяли бросать без долгой под-

готовки.

В момент удара на раму обрушилась чудовищная нагрузка на скручивание. Кронштейн принял весь рывок могучего корпуса! Но титановый шток Су-27 и бронзовая гайка держали раму как бронеплиту.

Звук броска напомнил винтовочный выстрел.

Сухой раскатистый щелчок расколол тишину. Шайба стерлась в черную молнию, взмыла по крутой дуге и прошила правый верхний угол. Бутылка с водой на перекладине разлетелась брызгами, капроновая сетка лопнула, и снаряд со звоном ударил в защитное стекло.

Зуммер арены оглушил стадион. На табло зажглись гигантские цифры:

138 КМ/Ч

Рекорд скорости в истории следж-хоккея страны!

Но в следующую секунду мокрый лед и отдача от броска сорвали сани в боковой занос. На сорока километрах в час неуправляемую машину несло прямо на стальную штангу ворот и бетонный угол борта. Роман выбросил стик, пытаясь затормозить шипом. Искры брызнули из-под льда, но черенок с треском переломился о металлический крепеж.

Он летел незащищенной грудью на сталь.

Я не успела испугаться. Перемахнув через бортик судейского бокса, я ласточкой рухнула на лед, ухватила тяжелый полуметровый поролоновый мат безопасности и всем телом протолкнула его под несущиеся сани.

Удар вмял поролон. Нос «Коршуна» зарылся в мат, а тяжелое горячее тело Романа по инерции накрыло меня сверху.

Я зажмурилась, ожидая переломов.

Тишина. Только тяжелый, глухой стук огромного сердца у самого моего уха и горячее дыхание на виске.

Я открыла глаза. Лицо Романа было в пяти сантиметрах от моего. Капли пота, расширенные зрачки, отражающие свет прожекторов. Его мощные руки упирались в лед по обе стороны от моих плеч, принимая вес на себя и не давая раздвинуть меня.

— Цела? — хрипло вытолкнул он.

— Цела... Сани целы. Шпилька выдержала.

Роман посмотрел на меня расширенными глазами, а затем запрокинул голову и огласил арену бешеным, яростным хохотом победителя.

— В щепки! Он сделал это! — донесся с трибун вопль Паши Шустрого.

Соколов сгреб меня в охапку одной рукой, прижал к мокрой от пота груди и рывком усадил на мат:

— Ты сумасшедшая! Соображаешь, куда бросилась?!

— Я спасала проект! — выдохнула я, чувствуя, как от шока текут слезы.

— Святая ты дура, Воронова, — с обжигающей хриплой нежностью выговорил Роман, сжимая мои плечи.

К бортику уже бежал Тарасов:

— Аварийная ситуация! Тест провален, сани опасны для

жизни!

Но навстречу ему вышел Виктор Михайлович с главным техническим инспектором Минспорта. Тренер жестко отстранил чиновника плечом:

— Пошел вон, Тарасов. Сто тридцать восемь в час. Сетка в ключья. Человек жив.

Инспектор положил бланк на борт и размашисто расписался:

— Опытный образец саней «Стальной коршун» получает официальный допуск на двухнедельный сбор сборной России. Поздравляю, Нина Андреевна.

Глава 3

Шум арены остался за тяжелой дверью раздевалки сборной. Пахло резиной, камфарой и застарелым духом тренировок. Огромное помещение тонуло в полумраке — горела лишь тусклая лампа над центральной дубовой скамьей.

Я тихо толкнула дверь, держа в руках синюю папку допуска.

Роман сидел на скамье в дальнем углу, сгорбившись. Услышав шаги, он судорожным движением набросил на бедра махровое полотенце, пытаясь скрыть то, что ниже пояса.

— Оставьте меня в покое, — глухо бросил он, не оборачиваясь. Голос дрожал от напряжения.

— Это я, Роман.

Он вздрогнул, плечи одеревенели:

— Уходи, Нина. Пожалуйста. Допуск у тебя, ты победила. Я в порядке.

Я подошла вплотную. В тусклом свете было видно, как мелко дрожат его мускулистые плечи, покрытые бисером холодного пота. Он тяжело втягивал воздух сквозь зубы.

Не говоря ни слова, я опустилась перед ним на колени на холодный резиновый пол и положила ладони на его предплечья:

— Роман. Убери руки.

— Не надо... — в голосе прорезалась беспомощная моль-

ба взрослого сильного мужчины, боящегося показаться жалким. — Не смотри туда.

— Убери руки, — повторила я мягко, но непреклонно.

Я отвела его пальцы и потянула полотенце вниз. Сердце сжалось от острой боли.

Карбоновый лайнер опытных саней сотворил страшное. От перегрузок виражей жесткие края сырого полимера врезались в плоть. На тонкой коже послеоперационных рубцов на обеих культих открылись свежие ссадины. Сквозь марлю сочилась кровь вперемешку с сукровицей, края потертостей покраснели. Он терпел эту муку каждую секунду заезда.

Роман отвернулся к стене, желваки ходили ходуном:

— Насмотрелась? Франкенштейн. Кусок поломанного мяса. Наш главный врач Аркадий Семёнович Левин запретил старый ложемент — рубцы опять срывает, а Тарасов и вовсе орет, что этот спорт меня доломает.

Я позвала дежурную медсестру. Она принесла перевязочный набор и помогла мне осторожно снять пропитанную марлю:

— Потерпи. Будет щипать.

Пока медсестра обрабатывала ссадины, я держала Романа за руку. Он со свистом втянул воздух, тело натянулось струной. Я накрыла его пальцы второй ладонью; понемногу хватка ослабла.

Медсестра закрепила мягкую повязку и вышла за врачом. Я подняла глаза.

Роман смотрел на меня. Его серые глаза потеплели, в них вспыхнуло щемящее ошеломление. Я улыбнулась ему сквозь подступившие слезы. Он осторожно ответил на улыбку, словно пробовал забытое движение.

Я взяла его огрубевшую ладонь в свои руки, прижала к своей щеке:

— Ты не поломан, Роман. Твое тело совершенно. А лежмент я переделаю. Сниму лазерные слепки, рассчитаю матрицу переменной плотности под каждый рубец. Она станет твоей второй кожей. Ты забудешь о боли, я клянусь.

Соколов медленно сжал мои пальцы, поднес мою руку к губам и поцеловал ободранные о гаечный ключ костяшки. Жест был таким интимным и трепетным, что у меня перехватило дыхание.

В коридоре послышались сердитые шаги Тарасова:

— ...через две недели спарринг. Направьте проверку ОБ-ЭП в ее мастерскую. Переверните все счета. Я перекрою ей поставки композита.

Голоса затихли. Роман поднял голову, глаза его сверкнули ледяной сталью:

— Не посмеют. Я поставлю парней дежурить у твоей двери круглосуточно.

Я слабо улыбнулась и попыталась подняться, чтобы собрать инструменты. Но сорок восемь часов без сна дали о себе знать: пол ушел из-под ног, перед глазами поплыли черные круги.

— Нина!

Сильные руки подхватили меня в падении. Роман легко оторвал меня от пола и усадил рядом с собой на дубовую скамью, заключив в кольцо железных рук. Моя голова опустилась на его плечо, я уткнулась в теплое термобелье, вдыхая терпкий запах его тела — мороз, силу и металл.

Наши лица оказались в считанных сантиметрах. Я слышала мерный, мощный стук его сердца.

Роман не отстранился. Его пальцы бережно заправили выбившуюся прядь моих волос за ухо, обжигая кожу током. Он нащупал мою ладонь и прижал мои пальцы к своей шее — прямо к бьющейся горячей сонной артерии:

— Хватит воевать в одиночку, Нина. Ты прикрыла меня собой. Больше никаких комиссий за твоей спиной. С этой минуты мы в одной упряжке. Завтра в шесть утра я буду у тебя в мастерской. Снимешь свои слепки.

Я заглянула в его глаза, где горело темное пламя абсолютной мужской верности. Моя рука в кармане жакета сжала тяжелый титановый клапан Су-27, подаренный дядей Гришей.

— В шесть утра, Роман, — прошептала я, чувствуя его дыхание на губах. — Я буду ждать тебя.

Дверь распахнулась, впуская свет, но мы уже не разомкнули рук. Начиналась битва, в которой у нас больше не было права отступить.

После допуска инспектор распорядился снять пломбы с моей лаборатории. В ней пахло остывающим фотополиме-

ром, машинным маслом и соленым утренним ветром из открытой форточки. Настенные часы над чертежным столом показывали без двадцати шесть утра. Я сидела, уронив голову на скрещенные руки прямо на разложенные миллиметровки. После вчерашнего дня я успела поспать лишь несколько часов. Веки налились свинцом, в висках еще пульсировала усталость. В пальцах застыл графический стилус.

Едва слышный шелест полиуретановых колес по линолеуму заставил меня вздрогнуть.

Я испуганно дернулась спросонья, неловко взмахнув локтем. Тяжелый рабочий планшет с трехмерными расчетами соскользнул со стола и полетел вниз — прямо на кафельный пол.

В следующее мгновение сильная рука перехватила прибор в воздухе — в пяти миллиметрах от пола.

— Тише, конструктор, — раздался низкий, рокочущий бас. — Разобьешь чертежи — на чем летать будем?

Я подняла глаза, смущенно прижимая ладони к горящим щекам. Перед столом в тренировочной коляске сидел Роман Соколов. В серых глазах плясали смешинки, но в уголках губ уже залегла теплая складка.

Утренний сквозняк заставил меня зябко повести плечами. Заметив мою дрожь, Роман расстегнул молнию своей тяжелой темно-синей куртки с золотым гербом сборной и одним широким, уверенным движением набросил ее мне на плечи.

Меня окутало сухое, мужественное тепло. Запах кедра,

морозного льда и свежей шерсти заполнил все чувства, мгновенно стирая остатки озноба. Куртка была огромной, ее полы укрыли меня до самых колен.

— Спасибо... — выдохнула я, пряча озябшие пальцы в просторных карманах. — Я сейчас. Запущу станок ЧПУ, нужно выточить посадочные втулки...

Я попыталась подняться к терминалу, но Роман плавно перехватил мое запястье:

— Никаких станков. Рабочий день начнется после заправки. Марш на кухню.

Его спокойный авторитет не терпел возражений. Через минуту в тесном служебном кухонном отсеке я уже виновато доставала из шкафчика дежурный сухой батончик мюсли:

— Из меня плохая хозяйка, Роман. Я живу на растворимом кофе и пайках из автомата.

— Эту химию выкинь, — он отобрал батончик и отправил в урну. Затем открыл объемистый термоконтейнер, закрепленный позади спинки коляски. — Держи нормальную еду.

На салфетку легли теплые домашние сэндвичи из темного хлеба с запеченной индейкой, тонким омлетом и свежей рукколой. Следом передо мной опустилась тяжелая керамическая кружка с густым, ароматным кофе, присыпанным корицей.

Суровый капитан сборной, гроза нападающих соперника, сейчас выглядел на удивление домашним и уютным.

Я сделала жадный глоток. Горячая пряная волна обожгла

горло, возвращая ясность мыслям. От волнения мои пальцы соскользнули по гладкой керамике, кружка качнулась. Роман мгновенно накрыл мою кисть своей широкой ладонью.

Его кожа была сухой и горячей. По руке словно ударил электрический разряд. Мы замерли в полуметре друг от друга в звенящей тишине утра. Его серые глаза потемнели, дыхание стало глубже. В тесном пространстве кухни повисло густое, осязаемое напряжение.

— Роман, — тихо сказала я, отводя взгляд к его ногам. — Ты сидишь на самом краю коляски. Опять стреляет?

Он попытался надеть привычную маску невозмутимости:

— Ерунда. Связку вчера потянул на вираже.

— Не ври мне.

Я решительно отодвинула кружку и вызвала Аркадия Семёновича из соседнего медблока. Мой тон не оставлял места спорам:

— Пересаживайся на смотровую кушетку. Живо.

Роман хмыкнул, но подчинился без единого слова.

Через несколько минут врач осмотрел вчерашние ссадины и сменил повязки. Я опустилась на колени перед кушеткой, положив ладони на бедра Романа выше поврежденной кожи. Мышцы под моими пальцами постепенно перестали дрожать.

— Зачем тебе это, Нина? — негромко спросил он, глядя на мои склоненные плечи. — Молодая, красивая девчонка. В Москве тебя с руками оторвут в любом коммерческом цен-

тре биомеханики. Зачем гробить молодость на железо, станки и покалеченных мужиков?

Я замерла. Подняла глаза, не отнимая теплых пальцев от его кожи:

— В Москве нет таких мужчин, ради которых хочется совершать невозможное, Рома.

Соколов застыл. Мой прямой ответ выбил у него почву из-под ног. Взгляд его изменился — впервые он смотрел на меня не как на инженера своей команды, а как на единственную женщину во всей вселенной.

Глава 4

Утреннее солнце залило смотровую зону ярким белым светом. Аркадий Семёнович разрешил бесконтактное сканирование; к формовке мы должны были вернуться после заживления ссадин. Роман лежал на кушетке, освобожденный от защитных текстильных чехлов.

Его фигура поражала мощью: скульптурный рельеф пресса, широченная грудная клетка борца и две тяжелые, усеченные ниже колен культы с сетью грубых послеоперационных рубцов. Левая культя была на четыре сантиметра короче правой — результат осколочного раздробления берцовых костей при давней аварии.

Я подошла с оптической головкой ручного 3D-сканера. Роман напрягся, челюсти сжались до белизны — в позе сквозил въевшийся стыд изувеченного атлета.

Я положила сканер на инструментальный столик, села на край кушетки и взяла его огромную ладонь в свои руки:

— Посмотри на меня, Рома. Твое тело совершенно. Для меня здесь нет увечья. Здесь только сила, которую я одену в надежную броню.

Его плечи дрогнули и опустились. Лед отчуждения в глазах начал таять.

Я включила сканер. Зеленый коллимированный луч побежал по коже, но капельки испарины давали оптические бли-

ки, сбивая точность сетки. Я взяла безворсовую салфетку и мягко промокнула влагу на неповрежденной коже, обходя повязки.

Луч лег с микронной точностью. На экране терминала закружилось трехмерное облако точек.

— Отметим чувствительный участок, который показал врач, — предупредила я, аккуратно касаясь неповрежденной кожи рядом с левой повязкой.

Едва я приблизилась к отмеченному участку, Роман со свистом втянул воздух сквозь зубы. Я испуганно дернула руку назад, боясь сделать больно, но его железные пальцы мгновенно перехватили мое запястье и прижали обратно к своему бедру:

— Не убирай... Твои руки не делают больно, Нина. Они лечат.

Я затаила дыхание. Границы профессиональной субординации рухнули окончательно, уступив место трепетному доверию.

Сев за терминал ЧПУ, я вывела параметры на экран. Программа выдавала ошибку: стандартная симметричная посадка не годилась. Укороченная левая культя принимала на сорок процентов больше динамического удара при левом вираже.

— Мы не будем делать симметрию, — решила я, пальцы быстро забегали по клавиатуре. — Справа зададим плотность матрицы шестьдесят пять единиц по Шору А для жест-

кой передачи импульса при разгоне. А слева сделаем сорок единиц и заложим декомпрессионный гидродинамический карман. Он разгрузит болезненный участок. Потом проверим вместе с врачом.

— Это работает? — Роман приподнялся на локтях.

— Это будет твоя вторая кожа.

Мы изготовили модель по данным сканирования и залили двухкомпонентную эластомерную пасту в формовочный короб. Пока состав схватывался, Роман сидел на кушетке, не сводя с меня темного, восхищенного взгляда. В этой тишине слова были не нужны.

Когда полимер застыл, я тонким воздушным зондом сбросила вакуумное присасывание. Слепок отошел от модели с легким хлопком, сохранив рассчитанный рельеф.

Через час черновая матрица была установлена в карбоновый каркас у ростового зеркала. Роман пересел внутрь и криво усмехнулся своему отражению:

— Хорош жених. Обрубок в пластиковом ведре.

Я подошла сзади, опустила руки на его горячие плечи и заглянула в зеркало:

— Ты прекрасный, несокрушимый мужчина, Роман Соколов. И весь этот мир будет у твоих ног.

В его серых глазах вспыхнул такой яркий огонь, что морок неполноценности растаял навсегда.

* * *

Дверь лаборатории тихо скрипнула. В проеме показал-

ся Паша Шустрый — двадцатичетырехлетний нападающий первого звена. Он ковылял, тяжело заваливаясь на правый бок и опираясь на обломок старого деревянного костыля.

— Шустрый, стоять! — командирский бас Романа заставил парня вздрогнуть. — Что с ногой?

Паша виновато потупился и задрал штанину. Гильзоприемник немецкого протеза был разбит, титановый узел колена ходил ходуном с люфтом в два сантиметра.

— Вчера на тренировке треснул, — буркнул Паша. — А у Тарасова в фонде за новый шарнир заломили триста тысяч. Где я их возьму?

— Снимай протез, — скомандовала я, подходя ближе. — Сейчас посмотрим.

— Да бросьте, Нина Андреевна, — замялся парень. — Тут на коленке не починишь, немецкая гидравлика...

— На коленке — нет. А на моем лазерном посту — за сорок минут.

Я зажала узел в тисках. Фиксирующий винт закис на смерть; когда я попыталась выкрутить его, шлиц сорвало. Паша схватился за голову:

— Все... завтра тренировка, а я без ноги!

— Не ной, — Роман взял экстрактор с левой резьбой, насадил на вороток и одним мощным, филигранным движением кисти вывернул обломок, не повредив посадочный канал.

Я включила лазерную наплавку. Сноп белых искр озарил полумрак мастерской: тончайший титановый порошок

сплавлялся с основой, восстанавливая изношенные упоры. Следом я напрессовала кевларовую втулку с фторопластовым вкладышем, снижающим трение до нуля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.